

Советское жилищное хозяйство в 1920–1930-е гг.: между классовой линией и самокупаемостью

Орлов И.Б.

В статье на основе впервые вводимых в научных оборот архивных документов реконструируются основные направления жилищной политики 1920–1930-х годов. Делается вывод о зависимости политики в области жилищного строительства и коммунальных услуг от общей модели экономического развития (военный коммунизм, нэп и форсированная индустриализация).

Ключевые слова: жилищная политика, жилой фонд, коммунальная квартира, тарифы

In article on the basis of archival documents newly introduced into scientific use are reconstructed main trends of housing policy 1920–1930-ies. The correlation of the policy in the field of housing and communal services and the general model of economic development (war communism, the NEP and the forced industrialization) is revealed.

Keywords: housing policy, housing fund, communal apartment, tariffs

В межвоенный период закладывались специфические основы советского жилищно-коммунального хозяйства, включая централизацию строительных программ и остаточный принцип финансирования, создание современной городской инфраструктуры и ухудшение экологической ситуации, приоритет столичных городов и крупных промышленных центров в ущерб малым городам, бюрократи-

зацию и различные общественные инициативы, острый жилищный кризис и т. п.

Отчасти жилищные проблемы были порождением старой России. В крупных городах до революции основным типом жилья были казармы, подвалы и полуподвалы, а в большинстве городов — коечные помещения, землянки и полуземлянки. Например, в Петербурге в 1912 г. было около 150 тыс. «угловых жильцов», а в Москве в коечных помещениях проживали 327 тыс., то есть более 20% населения города [4. Д. 35. Л. 3]. Февральская революция резко осложнила ситуацию на рынке жилья. Не изменилось в лучшую сторону положение и после прихода к власти большевиков. Архивные документы показывают полный развал сферы ЖКХ в период революции и Гражданской войны. Новых построек не

Москва, Большой Путинковский переулок, конец 1920-х — начало 1930-х гг.

производилось, а существующие дома разрушались и не ремонтировались.

В этих условиях власти для разрешения жилищного вопроса пошли по пути «уплотнения» квартир. Так как в качестве основного аргумента такой политики выдвигалось стремление уравнивать жизнь рабочих и буржуазии, условно назовем эту модель «классовой», ориентированной не на комнаты, а на квадратные метры (санитарные нормы жилья). На местах рабочие всячески тормозили процесс переезда в новые квартиры из-за более высоких затрат на отопление «апартаментов» и транспортных неудобств, нежелания менять место жительства и разрывать сложившиеся связи. В ряде мест (например, в Витебске) попытки разрешить жилищный вопрос переселением буржуазии из центра на окраины наткнулись на сопротивление учреждений и органов здравоохранения. Если первые выступили в защиту своих специалистов, то вторые опасались распространения заразных болезней [6. Д. 43. Л. 22]. Тем не менее, в крупных промышленных городах РСФСР образовался значительный сегмент жилищного фонда с квартирами, в которых проживало сразу несколько семей (коммуналок). К примеру, в Москве в результате «жилищного передела» число рабочих в пределах Садового кольца выросло в 1917–1920 гг. с 5% до 40–50% [1, с. 53].

Но классовая линия в жилищной сфере не была жесткой. С одной стороны, власти на местах пытались проводить «классовую» тарифную политику. Постановление Владимирского городского совнархоза от 3 декабря 1918 г. доводило до сведения горожан новую квартирную плату без учета отопления и освещения. Для квартир 1-й категории плата устанавливалось в размере 50 коп. в месяц за каждый кв. аршин¹, для квартир 2-й категории — 40 коп., для 3-й категории — 30 коп. и для 4-й — 20 коп. К 1-й категории относились квартиры с паркетными полами, большими (ок. 5 кв. аршин) окнами высокими (4 арши-

на и выше) потолками, парадным и служебным входом, водопроводом, теплой уборной и ванной. Для квартир второй категории были характерны: хорошие крашенные полы, средней величины (ок. 4 кв. аршин) окна, потолки не более 4 аршин высотой, два входа и теплая уборная. Квартиры 3-й категории характеризовались как «обыкновенного характера, не вызывающие особенных неудобств, то есть не имеющие признаков сырости, не холодные, с достаточным количеством света». И, наконец, к 4-й категории принадлежали квартиры в подвалах или на других этажах, но с признаками сырости, холодные с холодными уборными, низкими потолками и недостатком света [6. Д. 44. Л. 207].

С другой стороны, в Брянске в 1918 г. цены на квартиры выросли в сравнении с дореволюционным периодом в 2,5–3 раза. А в Муроме 30 марта 1920 г. коллегия городского коммунального отдела постановила с 1 апреля повысить квартплату для всех проживающих в муниципальных домах жильцов на 100% [6. Д. 42. Л. 23; Д. 44. Л. 20–20 об]. Подобная тарифная политика существенно ограничивала финансовые возможности рабочего населения. Не продвинулась в годы гражданской войны и национализация жилого фонда. Даже в Москве в начале 1919 г. из 28 тыс. домов было национализировано всего 4,5 тыс. Согласно решению майского Пленума ЦК РКП(б), национализация остальных домов оказалась «совершенно не по силам». Поэтому ЦК поручил партийным организациям «прекратить всякую агитацию в широких массах за национализацию» [16. Д. 7. Л. 1].

Не лучше обстояло дело и оплатой счетов за электроэнергию. Так, в Тамбове счета тотчас по их предъявлению оплачивала примерно половина абонентов, а остальные не оплачивали электроэнергию по 1,5–2 месяца. За это время абонент мог переехать на другую квартиру или вообще уехать из города. Сумма таких «безнадежных счетов» росла на всем протяжении Гражданской войны [10. Д. 43. Л. 28–28 об]. В связи с декретом СНК РСФСР

¹ Аршин — узаконенная в 1899 г. русская единица измерения длины, равная 0,7112 м.

от 30 января 1921 г. об отмене платы за пользование электричеством, местные власти ввели нормированное потребление электроэнергии со штрафными санкциями за их превышение. К примеру, астраханский городской коммунхоз разрешил гражданам использовать по одной лампочке на каждую комнату и кухню мощностью не более 25 свечей. Нормы потребления устанавливались по кварталам и зависели от количества жилой площади, которую занимала семья. Перерасход установленной нормы вел за собой наказание в виде лишения права пользоваться электричеством сроком на 10 дней, если нарушение совершено в первый раз, а при вторичном нарушении электричество отключали вообще [12, с. 102–103].

Новая страница в истории жилищно-коммунального хозяйства была открыта в связи с переходом к платности услуг. Привилегии по оплате жилья и коммунальных услуг, предоставленные рабочему классу, компенсировали «нетрудовые элементы» и лица «свободных профессий», платившие повышенный налог за занимаемую площадь. Впрочем, и для рабочих в годы нэпа жилье, включая дрова, освещение и воду, обходилось в среднем в 15% зарплат [11, с. 118].

В целом «классовая» модель жилищной политики рассыпалась при столкновении с реалиями нэпа. Жилищные нормы существовали, скорее, на бумаге и применялись в основном по отношению к неимущим слоям населения. Размер арендной платы также устанавливался произвольно и зависел как от аппетитов чиновника, так и от пределов «благодарности» квартиросъемщика [18, с. 130–134]. Открытая нэпом возможность «делать деньги» на сдаче в аренду жилищного фонда заставляла местных чиновников забывать о «классовой солидарности». Даже в судах нередко, по утверждению Ю. Ларина, жилищные дела решались в пользу нэпманов [13, с. 1].

Еще в более благоприятном положении находились «красные директора» и их приближенные. В августе 1926 г. рабочий депо

Вязьма коммунист Г.Ф. Привольнев жаловался И.В. Сталину, что в «настоящее время дают квартиры более зажиточным семьям», а не рабочим [17. Д. 484. Л. 102–102 об]. Из письма рабкора из Вятки в редакцию журнала «Голос Кожевника», датированного 1924 г., узнаем, что директор местной обувной фабрики с женой и двумя дочками проживал в арендуемой для него трестом 4-х комнатной квартире. Но при этом он взял в аренду у коммунального отдела еще одну – двухкомнатную – квартиру в доме для приезжающих [9. Д. 6. Л. 135]. В сентябре 1923 г. работник Кунцевской ткацко-отделочной фабрики В. Горнов обратился в наркомат рабоче-крестьянской инспекции СССР с жалобой на несправедливое решение квартирного вопроса. Бухгалтеру фабрики Солодову, которому показалась тесной квартира из двух комнат и кухни, директор выделил новую квартиру, выселив из нее заведующего яслями. И это, несмотря на то, что «рабочие уплотнены так, что впечатление получается, будто бы это не рабочие в каморках, а сельди в бочках» [5. Д. 8. Л. 5].

Новая экономическая политика также поставила на повестку дня срочные меры к «проведению классового принципа в оплате коммунальных услуг при условии сочетания этого принципа с самокупаемостью коммунальных услуг в целом». По решению сентябрьского (1923 г.) Пленума ЦК партии Политбюро создало по этому вопросу специальную комиссию под руководством вновь назначенного наркома внутренних дел РСФСР А.Г. Белобородова. Но на первом же совещании в ноябре было признано нецелесообразным издание закона о классовом коммунальном тарифе, «ввиду невозможности установления единообразной стоимости коммунальных услуг по республике». Комиссия ограничилась указанием губкомам партии, губисполкомам и губпрофсоветам о введении классового тарифа по оплате за коммунальные услуги путем предоставления скидок для малообеспеченных рабочих и служащих за пользование электроэнергией и водой

в размере 50% с переложением стоимости по льготному тарифу «на остальные группы населения и предприятия» [16. Д. 8. Л. 5–8, 11]. По докладу комиссии 12 февраля 1925 г. Политбюро приняло соответствующее постановление, что в «вопросах квартирной платы центральная власть должна ограничиться только общими директивами», предоставив регулирование квартирной платы губернским исполкомам [16. Д. 8. Л. 12].

Впрочем, это не решило проблему с рентабельностью жилого фонда. По официальным данным, в 1920-е гг. 4/5 всего городского населения платило за жилую площадь не более половины стоимости эксплуатации и амортизации. И это без учета неаккуратности вноса квартплаты [3, с. 36]. В большинстве городов не было счетчиков, и учет воды производился по нормам. В силу этого процент неучтенной воды в среднем по стране составлял около 50%, а в ряде городов был еще больше: в Челябинске — 66%, в Курске — 60% и т. д. Поэтому тарифы на воду почти во всех городах Союза были выше довоенных и колебались довольно широко: от 8 коп. за 100 ведер в Ленинграде до 3 руб. за 100 ведер в Костроме [20, с. 49].

Новая (нэповская) модель жилищной политики была ориентирована, прежде всего, на восстановление жилого фонда и на некий баланс между проведением классовой линии и поддержанием жилого фонда в надлежащем состоянии. В эти рамки вполне укладывалось постановление союзного правительства «О мерах поощрения строительства жилищ за счет частного капитала» от 17 апреля 1928 г., предоставлявшее льготы (облегчение создания акционерных обществ без участия государства и кооперации, разрешение частных строительных контор и пр.) гражданам и частным юридическим лицам, осуществляющим строительство «за счет частного капитала крупных жилых домов, минимальные размеры которых определяются в порядке законодательства союзных республик» [16. Д. 13. Л. 22].

Во многом уступка частнику была вызвана падением к 1928 г. средней жилищной нормы по СССР до 5,53 кв. м. Особенно ухудшились жилищные условия в рабочих центрах: Свердловск дал снижение до 4 кв. м, а Иваново-Вознесенск, Тула и Бежица опустились ниже 4. Общее ухудшение жилищных условий во многом объяснялось «диспропорцией между новым строительством и ростом населения и износом наличной жилой площади» [16. Д. 13. Л. 47]. Но сталинский «великий перелом» похоронил планы развития частного жилищного строительства, выдвинув на первый план сначала кооперативное, а затем — ведомственное жилье. И это притом, что в 1936 г. примерно 35% площади всего жилого массива в городах составлял частновладельческий фонд, принадлежащий, главным образом, рабочим и служащим. Несмотря на то, что именно это жилье было наиболее изношенным (34%), при минимальной потребности в кредите на ремонт этого фонда в 60 млн руб. в год, Цекомбанк на 1936 г. выделил всего 10 млн [4. Д. 224. Л. 23–24]. Города в 1930-е гг. переживали острый жилищный кризис. Если в 1930 г. в Москве средняя норма жилплощади составляла 5,5 кв. м на чел., то к 1940 г. она снизилась почти до 4-х. А в Донбассе уже в середине 1930-х гг. 40% рабочих имели менее 2 «квадратов» жилой площади на чел. [15, с. 125; 19, с. 59].

Модель «большого скачка», нацеленная на новое жилищное строительство, окончательно похоронила классовый принцип в распределении квартир. Рабочий обувной фабрики имени Л.М. Кагановича в Днепропетровске З.Н. Червиц в письме А.Я. Вышинскому 1 января 1940 г. жаловался на проживание «в крайне тяжелых жилищных условиях» — в тесном сыром подвале. Когда обувная фабрика построила 4-х этажный дом, автор письма комнаты не получил. Зато работающий на фабрике всего 3 месяца секретарь парткома Яковлев добился квартиры. Как и директор Блат, отдавший свою квартиру родной сестре («барышне одино-

кой»), и получивший квартиру из 3-х комнат в новом доме [7. Д. 26. Л. 139–139 об]. Бывший красноармеец К. Страхов в письме В.М. Молотову 17 июня 1938 г. писал, что власть больше заботится о строительстве заводов, а «о нормальных жилищных условиях позабыто с 1928 года». Он задавался вопросом о справедливости заявлений, «что благо народа превыше всего, как строчат газеты»? [8. Д. 66. Л. 255–256]. 36-летний ленинградский рабочий, пять лет проживший в коридоре, умолял В.М. Молотова дать ему комнату для «построения в ней личной жизни», а дети одной московской рабочей семьи из шести человек просили не вселять их в каморку под лестницей, без окон, общей площадью 6 кв. м [19, с. 60].

Одним из самых страшных кошмаров для граждан в конце 1920-х — начале 1930-х гг. стали введенные в 1927 г. «самоуплотнения», когда по велению местного начальства квартира превращалась в коммуналку. «Право на самоуплотнение» владельцы «излишков» жилой площади (более 8 кв. м) должны были реализовать в течение 3-х недель, после чего вопрос о вселении решало домоуправление [14, с. 101].

Если население старых промышленных центров жило, главным образом, в коммуналках, то на новостройках положение с жильем было катастрофическим: рабочие жили в землянках, палатках или бараках по несколько семей в комнате. 17 апреля 1934 г. В.М. Молотов обратился в Политбюро с просьбой утвердить подготовленный специальной комиссией проект постановления СНК СССР «Об улучшении жилищного строительства»¹, в котором «существующая практика жилищного строительства» расценивалась как несоответствующая «росту культурного уровня и потребностей широких масс трудящихся». В числе наиболее существенных недостатков отмечались: низкое качество строительных и отделочных работ (протекающие крыши, щели в полах и

¹ Постановление было утверждено 23 апреля 1934 г.

Коммунальная квартира 1930-х гг.

пр.); низкие потолки, узкие лестницы, теснота кухонь и пр.; отсутствие хозяйственных построек (погребов, сараев и т. п.), тротуаров и зеленых насаждений [16. Д. 13. Л. 172–173].

Особенно тревожной была ситуация в сфере жилищно-строительной кооперации. 14 октября 1935 г. председатель Госбанка СССР Л.Е. Марьясин направил в ЦК партии и СНК СССР записку, в которой отмечал «множество злоупотреблений при распределении жилплощади» [16. Д. 14. Л. 23]. Действительно, по данным Центрожилсоюза РСФСР в 838 районных жилищно-строительных кооперативных товариществ на 1 января 1935 г. не были вселены 50,7% пайщиков, треть которых полностью оплатили довозездский пай (10% стоимости жилой площади). Неудивительно, что с 1933 г. начался процесс сокращения численности членов жилищной кооперации и отлив паевых средств. В этом году число выбывших превысило число принятых в 1,6 раза, а в 1934 г. убыло в 3,5 раза больше, чем прибыло. При этом больше всего выбыло именно рабочих и особенно в крупнейших пролетарских центрах. Например, в Ленинграде убыль пайщиков превысила их приток в 6 раз, а в Москве — в 7 раз [16. Д. 14. Л. 23–25].

В свою очередь, председатель Совета Центрожилсоюза П.Г. Сазонова в письме И.В. Сталину и В.М. Молотову 16 октября 1935 г. признавала, что удельный вес жилищной кооперации в общем жилом строительстве снизился с 25% в 1929 г. до 3,9%

в 1935 г. По ее данным, из 180 тыс. не вселенных пайщиков по РСФСР рабочих было 62,5%, ИТР — 19,5% и служащих — 18%. При этом свыше 60% не вселенных пайщиков концентрировались в Москве и Ленинграде. Выделенный же на 1936 г. жилищно-строительной кооперации РСФСР лимит в 44 млн руб. позволял удовлетворить жильем всего 3% не вселенных пайщиков [16. Д. 14. Л. 33–35].

«Выход» был найден в ликвидации жилищно-строительной кооперации, которую предписывалось провести до 15 декабря 1937 г. с передачей всего имущества Главным управлениям жилищного хозяйства наркоматов коммунального хозяйства союзных республик. Паевые взносы членов кооперативов подлежали возврату: получившим жилую площадь — за вычетом амортизационных отчислений, а не получившим — полностью без вычетов. Возврат паевых взносов, возложенный на местные советы и предприятия, к которым переходили строения, производился в первую очередь не вселенным пайщикам (в течение 6 месяцев после издания данного постановления), а вселенным — до 1 января 1939 г. [16. Д. 14. Л. 148–149, 151–152].

Беспомощность жилищно-строительной кооперации стала причиной роста ведомственного строительства, которое также имело серьезные недостатки. Ведомственные дома, как правило, через 2–3 года после постройки оказывались «лишь юридически связанными — вернее приписанными — к данному ведомству и предприятию». Они заселялись лицами, потерявшими связь с ведомством, а всякие попытки их выселения, за небольшими исключениями, были «почти безнадежны». То есть получение жилплощади сплошь и рядом превращалось «в вопрос личной ловкости и удачи» [16. Д. 14. Л. 26]. Нарком коммунального хозяйства РСФСР Н.П. Комаров в докладной записке во ВЦИК в апреле 1936 г. констатировал «особенно неудовлетворительное ведение хозяйства» в домах, принадлежащих промышленности. По его мнению, прирост жилой площади не соответствовал росту

городского населения «не только в силу недостаточности капиталовложений, но главным образом, вследствие систематического недовыполнения плановых заданий». Существовавшая система планирования жилищного строительства не обеспечивала горсоветам влияния на объем и характер этих работ, особенно по линии ведомственного строительства. А квартплата не покрывала «нормальных потребностей домового хозяйства» [4. Д. 224. Л. 23–24].

Кроме того, ведомственное жилье в годы индустриализации нередко имело вид бараков или общежитий. Несмотря на то, что в них обычно селили молодых неженатых рабочих, семейным тоже приходилось жить в них. На примере сибирского Кузнецка известно, что бараки обычно делились на большие общие спальни. Мужчины и женщины, как правило, жили в разных бараках или, по крайней мере, в разных общих комнатах. В самых больших бараках, на 100 человек, часто проживало 200 и больше. Бывало, что люди занимали кровать посменно или жили на производстве в подсобных помещениях и цехах. Даже после того, как предприятиям дали указания поделить большие комнаты в общежитиях и бараках, чтобы живущие там семьи могли уединиться, в целом по стране эпоха бараков не закончилась. Несмотря на постановление Моссовета 1934 г., запрещавшее дальнейшее строительство бараков в столице, к 1938 г. их число увеличилось с 5 тыс. до 5225 [19, с. 64]. Значительной части городских жителей, особенно из тех, кто перебрался в города в годы форсированной индустриализации, пришлось на долгие годы поселиться в подвалах и даже в землянках. В 1938 г. председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский, приехав в город Ефремов Тульской области, обнаружил улицу, проходившую по склону крутого оврага и состоявшую из землянок-мазанок. Жили в этих «жилых коровниках» рабочие возведенного в городе завода синтетического каучука, новейшего и сложнейшего по тем временам химического предприятия [2, с. 111].

Поэтому дефицит жилья и долголетние очереди на него заставляли мириться даже с коммунальным образом жизни. Плохие жилищные условия отчасти компенсировались его дешевизной, так как квартплата определялась не только в соответствии с количеством квадратных метров, но и зарплатой квартиросъемщика. В соответствии с бюджетами индустриальных рабочих в 1932–1933 гг. на жилье уходило всего 4–5% всех расходов семьи [15, с. 143]. Но затем был взят курс на полную самокупаемость жилья. Так, в постановлении ЦИК и СНК СССР «О квартирной плате» от 20 июля 1935 г. в «целях улучшения обслуживания жилищно-бытовых нужд трудящихся и хозяйственной эксплуатации жилищного фонда, обеспечения полной его сохранности и восстановления, а также для укрепления начал хозяйственного расчета» было решено оплату жилых помещений в городах и рабочих поселках устанавливать «в соответствии с качеством и степенью благоустройства помещений и на началах полной самокупаемости жилищного хозяйства». Месячная ставка квартплаты за 1 кв. м жилой площади устанавливалась в следующих размерах:

- в домах, оборудованных водопроводом, канализацией, центральным отоплением, ванными и газом — 1 руб. 30 коп.;
- в домах, имеющих водопровод, канализацию и центральное отопление — 1 руб. 15 коп.;
- в домах с водопроводом, канализацией и печным отоплением — 1 руб.;
- в домах, имеющих лишь водопровод, — 80 коп.;
- в домах без всякого благоустройства — 70 коп.

И это без учета отплаты расходов по центральному отоплению, счетов за электричество, газоснабжение, водопровод и канализацию [4. Д. 163. Л. 51]. Вторая половина тридцатых годов, прошедшая под сталинским лозунгом «Жить стало лучше, жить стало веселее», демонстрировала резкий разрыв с классовой (пролетарской) линией, как в области распределения жилья, так и в сфере оплаты коммунальных услуг. С одной стороны, это объяснялось конституционной формулой ликвидации эксплуататорских классов, с другой, курсом на форсированную индустриализацию и, прежде всего, в сфере оборонной промышленности.

Литература

1. Близнакова М. Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918–1933 годы // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. Монографический сборник. М., 2001.
2. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: Изд-во политической литературы, 1989.
3. Горений И.Е. Жилищные перспективы // Коммунальное дело. 1926. № 19–20.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-314. Главное управление коммунального хозяйства при Совете народных комиссаров РСФСР. Наркомат коммунального хозяйства РСФСР. Оп. 1.
5. ГА РФ. Ф. Р-374. Центральная контрольная комиссия ВКП (б) – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции СССР. Оп. 21. Центральное бюро жалоб и предложений.
6. ГА РФ. Р-4041. Главное управление коммунального хозяйства НКВД РСФСР. Оп. 1. Общий отдел.
7. ГА РФ. Ф. Р-5446. Совет министров СССР. Оп. 81а. Секретариат заместителя Председателя Совета народных комиссаров СССР А.Я. Вышинского.
8. ГА РФ. Ф. Р-5446. Совет министров СССР. Оп. 82. Секретариат заместителя Председателя Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотова.

9. ГА РФ. Ф. Р-5545. Редакция журнала «Голос кожевника». Оп. 1.
10. ГА РФ. Ф. Р-9475. Народный комиссариат местного самоуправления РСФСР. Оп. 1.
11. Кабо Е.О. Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. 1. М.: Книгоиздательство ВЦСПС, 1928.
12. Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (На материалах Астраханской области): Дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2004.
13. Ларин Ю. О судьях // Правда. 1923. 10 нояб.
14. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журнал «Нева» — Изд.-торг. дом «Летний сад», 1999.
15. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1997.
16. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС. Оп. 31. Жилищно-коммунальное строительство. 1918–1966 гг.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. ЦК КПСС. Оп. 85. Секретный отдел.
18. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Издательский дом «Мир истории», 2003.
19. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001.
20. Хроника // Коммунальное дело. 1924. № 5.